

философии» («L'Histoire de la philosophic scolastique») Б. Орео (Haureeau), и даже в наши дни впечатляющая картина П. Ласер-ра (Lasserre), нарисованная им во 2-м томе «Юности Ренана (Драма христианской метафизики)» («La jeunesse de Renan (Le drame de la metaphysique chretienne)»), говорит о том, что мощное воздействие подобных идей во многом сохранилось. И действительно, проблема универсалий — это поле битвы, на котором противники вступали в борьбу, только будучи хорошо вооруженными. Их силы измерялись мощностью противоположных метафизических систем, которые помогали тем, кто мог найти лучшее решение этой проблемы, но сами эти системы родились вовсе не от тех решений, которые они предлагали.

Исходным пунктом спора с полным правом можно считать фрагмент «Исагога» Порфирия («Введение» в «Категории» Аристотеля), где, объявив, что его исследование относится к родам и видам, этот платоник добавляет, что он откладывает на будущее решение проблемы о том, являются ли роды и виды реальностями, существующими сами по себе, или же конструкциями ума. Более того, допустив, что это реальности, он пока не утверждает, телесны они или бестелесны; наконец, предположив, что они бестелесны, он не желает исследовать, существуют ли они вне чувственно воспринимаемых вещей или же только в соединении с ними*. Как хороший учитель, Порфирий просто-напросто избегает ставить вопросы, относящиеся к высшей метафизике, в начале трактата по логике, написанного для начинающих. Тем не менее вопросы, которые он отказывался обсуждать, составили великолепную программу, соблазнительную для людей, стоявших перед выбором между Платоном и Аристотелем, не имея в руках, по крайней мере до XIII века, ни Аристотеля, ни Платона. Итак, оказалось, что сам Боэций не последовал в сдержанности при-

меру Порфирия и, движимый стремление согласовать Платона и Аристотеля, предло* жил целых два решения.

В обоих его комментариях к «Введению* в «Категории» Аристотеля на первый естественно выходит ответ Аристотеля. Вначале Боэций доказывает невозможность тош чтобы общие идеи были субстанциями Возьмем для примера идею рода «животное!» и идею вида «человек». Роды и виды являют! ся по определению общими для групп инди видов; но общее для множества индивидов само не может быть индивидом. Это тем бо лее невозможно, что род, например, целиком принадлежит виду (человек обладает всеми признаками «животности»), то есть невоз можно, чтобы род, будучи сущим сам по себе делился между различными входящими в него существами. Но предположим обратное роды и виды, представляемые нашими общин ми идеями (универсалиями), суть лишь про- ' сто понятия нашего ума; другими слова предположим, что в реальности нет абсолют но ничего, соответствующего этим наши идеям: по этой второй гипотезе наше мыш ление, мысля их, не мыслит ничего. Но мысль без объекта — это мысль ни о чем; это даже вообще не мысль. Если всякая мысль, достойная этого наименования, имеет объект, то необходимо, чтобы универсалии были мыслями о чем-то, даже если при этом тут же сно: возникает проблема их природы.

Столкнувшись с этой дилеммой, Боэций предлагает решение, заимствованное им у Александра Афродисийского. Наши чувства показывают нам вещи в состоянии смешения или, по крайней мере, сложения; наш ум (animus), обладающий способностью разделять и соединять чувственные данные, может различать в телах свойства, с целью рассмотреть их по отдельности, которые оказываются там только в состоянии смешения. В число таких свойств входят роды и виды. Ум либо открывает их в бестелесных сущностях — и тогда он полагает их как совершенно абстрактные, либо обнаруживает их в телесных сущностях — и в этом случае он